

## Рецензии

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.1.262

### **АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ**

**Рецензия на книгу: Устинов О.А. Антропологические парадигмы в русской философии советского периода (1917–1991 гг.): историко-философский анализ. М.: ООО «Издательство Триумф», 2022. 350 с.**

**С.Н. Корсаков<sup>1</sup>, С.Н. Еланская<sup>2</sup>**

<sup>1</sup>ФГБУН Институт философии Российской академии наук, г. Москва

<sup>2</sup>ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рецензия на монографию О.А. Устинова. Автор монографии осуществляет историко-философскую реконструкцию и анализ философско-научной и религиозно-философской антропологических парадигм, определявших динамику опыта осмыслений феномена человека в русской философии и культуре советского периода. В работе выявлены и рассмотрены основные этапы, базовые положения, характерные черты и особенности развития двух указанных традиций с 1917 по 1991 г. Отдельное внимание уделяется драматической истории взаимоотношений между их сторонниками, переходившими от взаимного отрицания к частичному заимствованию идей друг у друга.

**Ключевые слова:** русская философия, советская философия, философская антропология, человек, марксизм.

Книга О.А. Устинова является первым опытом исследования развития философии человека в Советском Союзе [1]. Подобная задача еще не ставилась в литературе. О.А. Устинов сумел точно почувствовать крупную лакуну в современной историко-философской науке, когда путь развития в России одной из основных философских дисциплин – философской антропологии – до сих пор не был подвергнут комплексному научному исследованию как в хронологическом, так и в содержательном плане. Рано или поздно это бы произошло, но О.А. Устинов сделал это первым. Новаторский характер работы О.А. Устинова стимулирует критическое обсуждение, предоставляет те или иные возможные исследовательские ходы, по поводу которых могут существовать различные точки зрения.

По существу, мы не имеем на данный момент истории становления философии человека в России за советский период. Разумеется, существует литература о философии человека в дореволюционной России (например, можно вспомнить монографии П.С. Шкуринова, З.А. Каменского и др.). Но в отношении советского периода эти исследования не были продолжены.

Между тем принципиальная разница в хронологическом плане состоит в том, что, во-первых, в течение XX в. происходил процесс институ-

циализации философской антропологии как дисциплины в мировой философии, который завершился только после Второй мировой войны. Впервые в программу Всемирного философского конгресса соответствующая секция была включена только на конгрессе в Венеции в 1958 г. Соответственно, возникает проблема синхронизации изучения формирования философской антропологии в мире и в России, где в советский период обращение к человеку питалось общественно-государственным проектом создания «нового человека», что не могло не влиять и на развитие в философии, как это подробно показывается в книге О.А. Устинова.

Во-вторых, важно понимать существенное отличие статуса самой философии как науки в период ее формальной институционализации от общего развития философии с древнейших времен. С появлением в Новое время науки как социального института формирование новой философской дисциплины происходит как встраивание ее в общую систему научного производства. Поэтому для решения задачи изучения развития философской антропологии в России в советский период О.А. Устинову было необходимо увязать этот процесс с изменениями в политическом дискурсе страны и с появлением необходимых научно-организационных форм, в которых существует научная дисциплина.

О.А. Устинов проанализировал значительное количество литературных источников. Он учитывает актуальную литературу по теме книги, в том числе из вузовской и региональной научной периодики. Вся эта литература относится к последним десятилетиям, когда сам факт теоретического осмысления проблемы человека в советский период был осознан как предмет изучения. Ранее это осознали представители частных наук: историки, психологи, педагоги. Вместе с тем изучение человека в этих науках развивается под влиянием философских концепций. Поэтому без философского анализа процесса становления теоретического изучения человека здесь не обойтись, и О.А. Устинов выступил здесь пионером. Он привлекает материал по истории частных наук о человеке в советский период в тех случаях, когда это необходимо для решения философских задач и вместе с тем для общего осмысления изучения человека в этих науках.

Автор считает, что построил свое исследование по принципам парадигмальной методологии Т. Куна. Нам представляется, что в этом отношении автор заблуждается насчет реального результата своей работы. Можно по-разному относиться к постпозитивистской схеме Куна, но в силу ее принадлежности к общей позитивистской традиции со специфическим для нее пониманием научности она, как и вообще любые системно-структурные концепции, не может адекватно отображать развивающиеся социокультурные целостности. Поэтому к гуманитарным наукам куновский понятийный аппарат и терминология «парадигм», «матриц» и «кодов» могут быть применены лишь метафорически, но не в качестве методологии. В реальном тексте книги О.А. Устинова на всем ее протяжении имеет место применение обычного метода историко-философской рекон-

струкции идейных позиций и философской борьбы, чем и определяется ее научный характер.

О.А. Устинов берет весь советский период в качестве хронологических рамок своей работы, что само по себе является смелым решением и во многом определяет ее теоретическую значимость. Поэтому он должен предложить свое понимание развития изучения человека в советский период в общегосударственном масштабе в его эволюции, выделить этапы этой эволюции (послереволюционный период, период сталинизма, период оттепели, период перестройки) и увязать стадии формирования философской антропологии в России с этими этапами, с политическим контекстом. Он это последовательно делает на протяжении своей книги, подразделив ее на главы в соответствии с периодами изменениями советской идеологии. Вместе с тем он учитывает и то общее, что есть в этой идеологии и что и определяет советский период не просто как хронологический отрезок истории страны, а как особую цивилизационную целостность. Считаем, что только такой подход может быть плодотворным и составляет одно из условий научности при изучении советского периода.

Столь же новаторским является решение О.А. Устиновым и другого аспекта исследовательской задачи, вытекающей из принятия всего советского периода за хронологические рамки темы. Если бы автор рассматривал развитие в течение всего советского периода, скажем, теории познания или истории философии, не возникало бы специфической трудности, связанной с тем, что данная дисциплина только становится, проходит своего рода «внутриутробный» период, когда сами авторы, писавшие на эти темы, не осознают или не вполне осознают, что их тексты относятся к такому разделу философского знания, как философская антропология. Поэтому О.А. Устинов справедливо подчеркивает, что рассматривает философско-антропологические взгляды советских мыслителей вне зависимости от осознания их ими самими в качестве философско-антропологических, и реконструирует самосознание изучаемых им авторов как бы в двойном аспекте: по их отношению к предмету их размышлений (человеку) и по отношению к самому дискурсу, к тому, как он вписывается в интеллектуальные задачи того или иного исторического периода.

Выдержать соответствие такой исследовательской планке трудно, и автору не всегда это удается. Поэтому книга О.А. Устинова страдает общим для почти всей литературы по истории советской философии недостатком: в качестве объекта исследования применительно к периоду 1920–1950-х гг. берутся не тексты философов, а тексты политиков, затрагивавших философские вопросы (Бухарина, Троцкого, Сталина и др.) и тексты не философов, а специалистов частных наук, чьи занятия пересекались с философской проблематикой, но не влияли на ход философского процесса в стране (Выготского, Бахтина и др.). В библиографии О.А. Устинов перечисляет некоторые публикации философов, но до реального анализа их в самом тексте дело часто не доходит. Следовало бы проанализировать хотя бы публикации в ос-

новном философском журнале того времени «Проблемы мира и социализма» и вычленили в них философско-антропологическую компоненту, не осознававшуюся часто и самими авторами. А ведь журналов, публиковавших статьи на философские темы в тот период было немало, правда, сейчас и названий их наши историки философии не знают. Реконструкция собственно философской жизни 1920–1950-х гг. требует иного уровня источниковедческой и библиографической работы, которого российская историко-философская наука в целом сейчас не имеет.

Сквозной идеей книги О.А. Устинова является критика антропотехнического подхода к человеку. В этой связи возникают сложные проблемы соотношения между аутентичным марксистским проектом человека и его реализацией в СССР, сходства и различия советской антропотехники и прежних и современных бихевиористских стратегий управления людьми в капиталистическом мире. Конечно, задача создания «нового человека» не сводится к антропотехнике и неизбежно встает перед человечеством, пытающимся направлять свою социальную, да и природную эволюцию. В этом смысле большое значение сохраняют идеи советского гуманистического марксизма (в частности, И.Т. Фролова), о которых пишет О.А. Устинов, когда рассматривает научно-организационные формы развития исследований по философии человека в СССР.

Человек: цель или средство социального прогресса – вокруг этой проблемы вращались дискуссии философов и публицистов о мотивах и основаниях самопожертвования личности, вызванные к жизни социалистическим социальным экспериментом. Автор фиксирует специфичность критерия моральности человеческого поступка в советской философии, при которой она определяется его результатом, а не формой, в которой возможно внешне неэтичное поведение, и связывает это с традицией русского марксизма, согласно которой в борьбе с ложной моралью всякое действие морально. Считаем, что подобная трактовка морального выбора явилась теоретическим завоеванием советской философии человека. Автор критикует этический нигилизм советских философов, противопоставлявших свой пролетарский гуманизм философии фашизма, рассматриваемой ими как закономерный, суммарный итог развития всей идеалистической антропологии, и противопоставляет советским философам Лукача как мыслителя, якобы осознававшего, но замалчивавшего параллели между советским и немецким политическими режимами. Но пример с Лукачем оказывается на деле самоотрицанием мнения автора рецензируемой книги потому, что именно Лукач выдвинул тезис об иррационализме буржуазной философии, закономерно приведшем от Шеллинга к Гитлеру, и обосновал этот тезис в своей докторской диссертации, защищенной в Институте философии АН СССР в 1942 г.

Серьезной проблемой, поставленной в книге О.А. Устинова, является проблема идеала советского человека, коммунистического идеала человека вообще, соотношения в рамках этого идеала самоотверженности и всесто-

ронного раскрытия человека. Проблема эта не имеет однозначных решений, и для ее адекватного осмысления требуется учет опыта всех периодов развития нашей страны, что и стремится сделать О.А. Устинов в своей книге.

Весьма важным считаем проведение в книге О.А. Устинова мысли о том, что сталинский социализм был реализацией утопии Богданова и именно поэтому носил в самой своей сущности антигуманный характер. Он опирается здесь на результаты кандидатской диссертации историка В.В. Алексева. В книге О.А. Устинова этот вывод играет важную методологическую роль как гипотеза. Автор справедливо считает, что в философской основе здесь лежит субъективно-идеалистическая позиция. Конечно, следовало бы обосновать этот вывод и историко-философскими фактами, например, об отношении Сталина к теоретическим спорам Ленина и Богданова (известно письмо Сталина к Торошелидзе на эту тему). В перспективе желательно предпринять научное обсуждение этого вопроса специалистами. В частности, можно ретроспективно оценить борьбу Ленина со взглядами Богданова как борьбу с технократической утопией.

В свете этого становится очевидной теоретическая несостоятельность популярного как в западной, так и в нашей литературе тезиса о «двух Лениных», Ленина «Материализма и эмпириокритицизма» и Ленина «Философских тетрадей», подобного известному тезису о «двух Марксах», Марксе-гуманисте «Экономическо-философских рукописей 1844 года» и Марксе-«структуралисте» «Капитала». Как раз аутентичность ленинской реконструкции диалектико-логических философских взглядов Маркса обусловила отсутствие в «Материализме и эмпириокритицизме» вульгарно-материалистических тенденций и потому – несовместимость с позитивистским пониманием научности у Богданова.

Весьма ценным и новаторским считаем трактовку О.А. Устиновым методологии Щедровицкого в качестве субъективно-идеалистической программы, чуждой в силу своего радикального конструктивизма и релятивизма не только философии, но и самой сути научного познания и предполагающей негуманные социальные следствия, приводящие к манипулированию человеческими индивидуальностями. Можно было бы провести историческую аналогию и рассмотреть методологию Щедровицкого как продолжение в новых исторических условиях линии богдановского позитивизма.

О.А. Устинов подробно анализирует воззрения ведущих философов-шестидесятников, беря их в философско-антропологическом аспекте. Он говорит о свойственных их текстам «прививках» к традиционному марксизму, например, о кантианских в своей основе попытках (Дробницкий и др.) выделить духовно-нравственную сторону в качестве еще одного самостоятельного начала в человеке наряду с биологическим и социальным, имевших место в период оттепели, а затем и перестройки под видом дополнения марксистского определения человека. О.А. Устинов правильно квалифицирует такие попытки как ревизию марксизма в сторону идеалистической антропологии.

Можно согласиться с О.А. Устиновым в том, что движение таких мыслителей, как С. Рубинштейн, Мамардашвили и Батищев было не движением от советского марксизма к критическому марксизму, а движением от марксизма как такового к идеализму. Теоретические истоки подобной эволюции верно фиксируются автором рецензируемой книги и состоят в перемещении фокуса с приоритетного рассмотрения предметно-деятельностной сущности человека на иные его стороны (например, коммуникационную). Данная тенденция отчетливо проступила в развитии западной философии второй половины XX – начала XXI в.

В целом О.А. Устинов справляется с решением задачи реконструкции философско-антропологического дискурса советского периода, хотя и не без потерь. Своего рода ключом к ее решению он взял мыслеобраз «ищущих марксистов», которые стремились дать гуманистическую интерпретацию марксизма. Думается, что автору следовало бы четче прописать эту свою мысль как относящуюся к основному замыслу книги. Этого не происходит, видимо, потому, что идея об «ищущих марксистах» – это такая «задушевная мысль» автора, которую он сам для себя не до конца может отрефлексировать. В результате он за них начинает объяснять, что они «искали». На деле привлечение мыслителей в этот построенный в воображении автора ряд определяется его собственными симпатиями к ним, а не объективными основаниями. При этом он прорабатывает большой литературный материал, выявляет содержание тех или иных концепций, и с этой стороны его исследование полезно и имеет научный характер. Но с задачей историко-философской реконструкции ему трудно справиться.

Скажем, центральная для мыслеобраза «ищущих марксистов» фигура Бухарина. Тезис о том, что политик, заявлявший: «Мы будем штамповать интеллигентов», представлял гуманистическую альтернативу, трудно обосновать. Методологически позиции Бухарина в философии были механистическими, а не диалектико-логическими, и поэтому вполне коррелировали с антропотехнической установкой на фабрикацию человека под заданный стандарт. По критериям разделения неомарксизма на гуманистический и структуралистский Бухарин скорее должен быть отнесен к последнему. В своем увлечении фигурой Бухарина О.А. Устинов отличает его идеи от идей, как он пишет, «партийного философа» Деборина, ссылаясь при этом на статью последнего, за которой последовало Постановление ЦК ВКП(б), осудившее взгляды Деборина как раз как антипартийные. Если кто и был партийным философом в то время, то прежде всего Бухарин. Какие-то гуманистические соображения мы находим только в тюремных рукописях Бухарина, опубликованных уже в 1990-е гг. О.А. Устинов включил эти соображения в контекст истории развития философской антропологии, детально проанализировал их, и это составляет заслугу и важный теоретический результат его работы. Но понятно, что эти тексты Бухарина никакого влияния на реальный интеллектуальный процесс изучаемого в книге О.А. Устинова периода оказать не могли.

Проблема в том, что мы здесь сталкиваемся с весьма распространенным в историко-философской литературе абстрактно-постулятивным подходом. Это не столько недостаток автора рецензируемой книги, сколько общая беда. По некоторым критериям, теоретически важным для самого автора в истории подбираются фигуры, сами по себе не имевшие между собой ничего общего. Скажем, в данной книге в один ряд так называемых «ищущих марксистов» поставлены Бухарин, Выготский, С. Рубинштейн, Мегрелидзе, т. е. лица, не состоявшие между собой ни в какой реальной связи. Но они вычленяются по внешним самому историко-интеллектуальному процессу критериям и постулируются как группа или течение, с которой автор затем работает уже как с реальной. У подобного приема гипостазирования есть своя логика, вынуждающая к последующим шагам. О.А. Устинову приходится находить этих «ищущих марксистов» «новой волны» в следующие периоды, например, в период оттепели. На материале интеллектуальной истории оттепели тезис о гуманистическом прочтении марксизма обосновывать, конечно, уже легче. Но приверженность абстрактно-постулятивному подходу приводит к тому, что в ряды марксистов зачисляются люди, которые по существу своих теоретических взглядов марксистами не были: Щедровицкий, Зиновьев, Батищев, Дробницкий, Мамардашвили, Арсеньев.

При анализе периода перестройки интерпретация текстов большинства активных тогда авторов как представителей гуманистического марксизма выглядит особенно сомнительной в свете их последующей деятельности. О.А. Устинов пишет, что в текстах «ищущих марксистов» обосновывается переход от авторитаризма и даже от тоталитаризма большевиков к демократии. Получается, что истиной поисков «ищущих марксистов» был капитализм «с человеческим лицом». Спрашивается, стоило ли им в таком случае «ума искать и ездить так далёко»? Если, согласно автору книги, советская философская мысль периода перестройки освободила гуманизм от политических, идеологических, классовых ограничений, то значит ли это, что, как он пишет, она достигла максимальной ступени в развитии идей марксистского гуманизма?

В отношении советской философии 1970-х – 1980-х гг. О.А. Устинов не проводит различия между двумя направлениями в изучении философии человека: философско-антропологическим, представленным прежде всего в Институте философии АН СССР, и комплексным исследованием человека, представленным структурами, возглавлявшимися академиком Фроловым. Разграничение это было прямо заявлено Фроловым на страницах «Вопросов философии» еще в 1973 г. Следовало показать сходство и различие двух этих подходов к проблеме человека, а не смешивать их в один. В результате такого смешения, нечеткости конкретного историко-философского анализа у автора книги в число последователей Фролова попадают те, кто работал в других философских традициях, например, последователи Щедровицкого (Розин) и др.

Произвольность конструирования в истории философии теоретического течения, будто бы имевшего место, приводит к тому, что и тезис о преемственности между «ищущими марксистами» отдельных исторических периодов просто постулируется и повисает в воздухе. Мы говорим это не в упрек автору, а стремимся обратить внимание на сложные методологические проблемы историко-философского исследования, правильная постановка и решение которых помогут на этом пионерском этапе движению новых исследователей темы советской философской антропологии. Эффективным историко-философское исследование бывает тогда, когда оно реконструирует реально существовавшие группы и течения и показывает ту интеллектуальную борьбу между ними, которая действительно происходила. Конечно, выявлять в интеллектуальной борьбе прошлого философско-антропологический аспект, самими участниками борьбы не осознававшийся, а в последующие периоды осознававшийся, но в специфических формах, весьма сложно, и это невозможно сделать в одной или даже в нескольких работах. Но важно понимать и учитывать указанную методологическую трудность, чтобы повысить качество изучения реального исторического процесса, анализа существовавших в нем групп и течений, не впадать, говоря словами Гегеля, в «рефлексивную историографию», когда мы не столько выявляем смыслы прошлого, сколько применяем его в качестве иллюстрации к нашим наличным представлениям о должном.

На протяжении всей своей книги О.А. Устинов обращается к известной мысли Маркса о сущности человека как совокупности общественных отношений и критикует социоцентризм в понимании человека в советской философии. Из этой критики не вполне ясно, шла ли речь об искажении положения Маркса в советской философии, либо же говорилось о неполноте самого этого положения. Автор обращает внимание на известные попытки ряда советских философов подчеркивать биологическую сторону человека со ссылками на того же Маркса и расценивает их как прогрессивное явление. У нас почему-то продолжают считать эти попытки каким-то научным свободомыслием, вместо того чтобы оценить их по существу. Все это требует более обстоятельного разбора и большей четкости оценок. К сожалению, тезис Маркса о совокупности общественных отношений неадекватно понимался как теми, кто его воспроизводил как тезис классика, так и теми, кто на основании этого тезиса обвинял марксизм в игнорировании проблемы человека. В действительности тезис Маркса об эксцентрированном характере человеческой сущности показывает совокупность общественных отношений в качестве причины и условия индивидуальной человеческой активности и при углубленном понимании, при котором не только личность, но и человеческий индивид в своем филогенезе и онтогенезе должны быть поняты как по существу своему социальные, этот тезис вовсе не нуждался в уточнениях за счет подчеркивания роли биологической стороны человека. О.А. Устинов касается этого сюжета в связи с ферусами («детьми-Маугли»), но здесь требуется большая про-

думанность и определенность теоретической позиции: что именно данные случаи доказывают – зависимость социализации от биологической природы человека либо же, напротив, то, что в человеке сама биологическая природа приобретает статус внешней пластичной формы по отношению к социальной сущности? Автор подробно обращается при решении этого вопроса к теоретическому наследию Ильенкова, который, как известно, постулировал бесперспективность детального изучения биологических структур для постижения сущности человека и его сознания. Согласно позиции Ильенкова, именно предметная сущность человека, воспроизводящаяся в совокупности общественных отношений, составляет исток способности человеческой индивидуальности к автономному самополаганию.

Отдельный раздел книги составляет анализ эволюции религиозно-философской антропологии в советский период, который весьма насыщен малоизвестной фактурой и представляет значительный интерес. О.А. Устинов совершенно справедливо говорит о существенном влиянии русской религиозно-идеалистической философии на советскую философскую антропологию периода перестройки. Весьма интересной является высказанная в книге мысль о том, что оригинальность советских версий религиозно-идеалистической антропологии связана с инкорпорированием в их содержание отдельных положений марксизма (что весьма успешно происходило, например, у Лосева в его концепции античного космоцентризма), и, соответственно, о том, что отказ от этих влияний в период перестройки и после нее привел к падению теоретической насыщенности этих учений.

В целом книга О.А. Устинова будет полезна всем, кто хочет представить себе панораму развития философско-антропологической мысли в СССР. Она стала своего рода точкой отсчета в дальнейшей реконструкции философско-антропологического дискурса в советский период в его многозначных взаимосвязях с политическим контекстом и в его взаимодействии с результатами частных наук.

### **Список литературы**

1. Устинов О.А. Антропологические парадигмы в русской философии советского периода (1917–1991 гг.): историко-философский анализ. М.: ООО «Издательство ТРИУМФ», 2022. 350 с.

### **ANTHROPOLOGICAL PROBLEMS IN THE HISTORY OF SOVIET PHILOSOPHY**

**S.N. Korsakov\*, S.N. Elanskaya\*\***

\*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow

\*\*Tver State University, Tver

Review of the monograph by O.A. Ustinov. The author of the monograph carries out a historical-philosophical reconstruction and analysis of the philo-

sophical-scientific and religious-philosophical anthropological paradigms that determined the dynamics of the experience of understanding the human phenomenon in Russian philosophy and culture of the Soviet period. The paper identifies and considers the main stages, basic provisions, characteristic features and features of the development of these two traditions from 1917 to 1991. Special attention is paid to the dramatic history of the relationship between their supporters, who moved from mutual negation to partial borrowing of ideas from each other.

**Key words:** *Russian philosophy, Soviet philosophy, Marxism, philosophical anthropology, man, personal being.*

*Об авторах:*

КОРСАКОВ Сергей Николаевич – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт философии Российской академии наук, г. Москва. E-mail: snkorsakov@yandex.ru

ЕЛАНСКАЯ Светлана Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: jolotschka@mail.ru

*Authors information:*

KORSAKOV Sergey Nikolaevich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of Philosophy of PAS, Moscow. E-mail: snkorsakov@yandex.ru

ELANSKAYA Svetlana Nikolaevna – PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of Sociology, Tver State University, Tver. E-mail: jolotschka@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.02.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 24.03.2023.